

Жаглова Татьяна Михайловна, Яковлева Татьяна Борисовна

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЗА ДАЧИ В ПОЭЗИИ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается вопрос о функционировании в русской поэзии образа дачи. В этой связи исследуется своеобразие пространственно-временной характеристики дачи, анализируется специфика дачных реалий, символов, мотивов. В результате анализа, авторы приходят к выводу о том, что общность сюжетно-тематических схем, постоянного круга образов и мотивов, символично-метафорического комплекса объединяются поэтами XIX - начала XX в. в особой - дачной ? мифологеме.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 57-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1-1“18/19”

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о функционировании в русской поэзии образа дачи. В этой связи исследуется своеобразие пространственно-временной характеристики дачи, анализируется специфика дачных реалий, символов, мотивов. В результате анализа, авторы приходят к выводу о том, что общность сюжетно-тематических схем, постоянного круга образов и мотивов, символично-метафорического комплекса объединяются поэтами XIX – начала XX в. в особой – дачной – мифологеме.

Ключевые слова и фразы: образ дачи; дачное пространство; мотивы; символизация; реалии; тематика.

Жаплова Татьяна Михайловна, д. филол. н.

Яковлева Татьяна Борисовна, к. филол. н.

Оренбургский государственный университет

tb-yakovleva@yandex.ru, tmzhaplova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЗА ДАЧИ В ПОЭЗИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА[©]

Актуальность темы обусловлена, прежде всего, тем, что образ дачи в русской поэзии XIX – начала XX века еще не являлся предметом специального исследования. В основном проблема только намечена и решается на материале прозаического или драматического. Дача как образ-эмблема изучается в качестве разновидности усадьбы, русского «дворянского гнезда», обретающего в новый исторический период несколько иные, на первый взгляд, черты, но все же позволяющего, как и прежде, русскому человеку найти применение своим творческим силам и практическим знаниям.

Предметом нашего исследования стало творчество поэтов второй половины XIX – начала XX в.: Я. П. Полонского, С. А. Андреевского, К. Н. Льдова, П. В. Шумахера, С. С. Синегуба, В. Брюсова, В. В. Маяковского, Константина Романова, И. А. Бунина и др., которые создали достоверное жизнеописание типичного россиянина, ощутившего некоторую независимость от государственной машины и самостоятельность на дачных просторах. Довольно внушительный корпус текстов поэтов указанного времени дает возможность говорить об общности эстетических взглядов, единой традиции, позволявших передать наблюдения за жизнью дачников на протяжении нескольких десятилетий.

В литературоведении вопрос о создании и особенностях функционирования дачи и усадьбы по-прежнему остается открытым, и основания для этого имеются. С одной стороны, усадьба и дача являлись воплощением оседлости русского человека на земле, с другой стороны, их обитатели по-разному реагировали на «вызовы» времени: в сохранившихся или только что отстроенных усадьбах владельцы еще активнее, чем прежде, дистанцировались от научно-технического прогресса, все больше подчинявшего себе горожанина, в то время как на дачах новшества современной цивилизации приживались естественным образом. Усадьба 1890-1900-х гг. с ее обитателями, как и город – «страшный мир», встречала следующий день в серьезных сомнениях о своей жизнеспособности в новых условиях, тогда как дача оставалась едва ли не единственным пространством, оказавшись в котором, человек старался жить днем сегодняшним: «Требовалось очертить пространство, в котором, с одной стороны, моделировались новые жизненные парадигмы, с другой – сохранялись прежние жизненные устои. Промежуточным пространством между городом и усадьбой явилась дача, совместившая в себе эти две парадигмы жизни. Дача, как мобильное пространство, готова была адекватно воспринимать “убыстрение” времени, подготовленное научно-техническим прогрессом» [1, с. 230]. Процесс, который в пьесе «Вишневый сад», обсуждался чеховскими героями как наилучшая возможность решения проблемы безденежья, в реальной российской действительности эту проблему решал довольно успешно: сдавая внаем отдельно расположенный флигель, которых, как правило, на территории усадьбы было не менее трех-пяти, а также существенно расчистив от деревьев садово-парковую территорию, разделив ее на более-менее равные участки, вчерашний помещик заселял территорию вполне платежеспособными дачниками, тем самым обеспечивая себе безбедное существование.

В некоторых исследованиях последних лет авторы констатируют факт: «На рубеже XIX-XX вв. выявляется экономическая прибыльность дачи» [Там же, с. 231], «...одним из самых выгодных способов использования земли было строительство дачных поселков» [6, с. 234]. К началу XX века заказчиками загородных домов все чаще становятся представители интеллигенции – преуспевающие врачи, адвокаты, архитекторы, инженеры, известные художники: «На этот же период приходится и появление своеобразного гибрида, объединяющего в себе черты усадьбы и дачи, – усадьбы-дачи. Они сродни увеселительной усадьбе, рассчитанной в основном на праздничное времяпрепровождение, а не на постоянное пребывание и хозяйственные занятия. Усадьбы-дачи отличаются от дач в дачных поселках с их относительно жесткой планировкой, расположением вне поселений, от усадьбы – “дачной” скромностью размеров главного дома и отсутствием хозяйственных построек» [2, с. 256].

В летние месяцы в центральной России и на ее окраинах – на берегу Черного и Балтийского морей – вездесущие дачники привыкли устраиваться вполне комфортно, в принципе, существенно не меняя свои привычки, но сознавая, тем не менее, что их маленький мирок слишком непостоянный и хрупкий, зависит напрямую от разнообразных обстоятельств и факторов, природных и погодных, прежде всего.

Подобно собственно усадьбе как месту и форме существования русского человека, дача в исследованиях последних лет изучается довольно активно. Начиная с источников-путеводителей по окрестностям Москвы и Петербурга, историко-культурных и бытовых комментариев к тем или иным реалиям прошлой российской действительности, дача в качестве объекта анализа становится неотъемлемой частью современных литературоведческих работ, однако до сих пор не заполненной остается существенная ниша: проводя различие между усадебным и дачным способом изображения действительности, ученые сопоставляют виды и типы изображения в различных эпических жанрах, таких, как роман («Четверть века назад» Б. М. Маркевич), рассказ («Володя», «Налим», «Дочь Альбиона» А. П. Чехова, «Только утро любви хорошо» В. Брюсова), новелла («Бессловесная» З. Н. Гиппиус), оставляя без внимания лирику. Между тем, первые впечатления дачников, как и устоявшийся, ставший уже привычным способ восприятия человека и окружающего мира, пожалуй, с большей силой эмоционального воздействия передан в поэзии XIX – начала XX в., что, естественно, заслуживает отдельного, предметного исследования.

Применительно к поэзии указанного периода наиболее полным, с нашей точки зрения, исследованием является работа Т. М. Жапловой «Образ русской усадьбы в поэзии XIX – начала XX века» [5], в которой рассматривается образ дачи как особой разновидности образа усадебного и проводится их сопоставление по нескольким параметрам: тип формирования пространства, способы передачи категории времени, оснащение дефиниции типичным набором аксессуарных деталей, символов, метафор, отражение образа в стихотворениях определенных жанров.

На рубеже XIX-XX вв. повышенное внимание образу дачи уделяли поэты самых различных взглядов, принадлежащие к разным литературным направлениям и объединениям. Среди них можно назвать имена таких художников слова как И. А. Бунин, А. Н. Будищев, А. М. Федоров, А. А. Коринфский, Д. П. Шестаков, В. Н. Фигнер и многие другие. В результате был создан огромный пласт художественной литературы, где образ дачи получил детальную разработку и многогранное освещение: «В поэзию проникают черты повсеместно возводимых дачно-коттеджных построек, напоминающих о загородных домах Англии (неоромантический стиль), деревянно-хоромных и избяных строений в неорусском стиле, неоклассицистических традиционных громадных комплексов с главным домом и системой прудов» [Там же, с. 67].

Воссоздавая дачное пространство, поэты ориентируются на несколько наиболее востребованных локусов, обладающих определенным эмоциональным ореолом и специфическими чертами, – например, одним из наиболее частотных локусов является опустевший по осени дачный поселок, в котором вынужденно остается коротать холода интеллигент, не имеющий возможности уехать в город.

Образная рецепция концепта «осень» в подобных стихотворениях получает соответствующее современным исследованиям воплощение, выявляя в изображаемом объекте «одновременно конструктивное, созидательное и деструктивное начала» [7, с. 205].

В этом случае дача рассматривается как приют одинокого художника, где тоскливо, страшно, уныло, поскольку без любимого человека или без семьи жизнь здесь теряет всякий смысл:

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.

Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно [4, с. 194].

Лирический герой стихотворения Бунина «Одиночество» плохо представляет себе, как он останется здесь до весны в совершенном одиночестве, острее всего подавляет его сознание того, что сам он по какой-то причине перестал быть интересным своей молодой подруге, которая покинула его легко и без сожаления, как только закончился дачный сезон. Персонаж стихотворения Бунина – художник, который больше живет ощущениями, чем событиями, потому и теперь он, как и всегда, остается наедине с мольбертом и своими мрачными мыслями, самая оптимистичная из которых – «хорошо бы собаку купить», чтобы хоть кто-то был рядом до весны. Когда же картины дачной жизни более оптимистичны, лирический герой стихотворений относится ко всему, что его окружает на даче, как к редкому по красоте и гармонии миру, который каждый год неявно, но ощутимо меняется, побуждая к прогулкам по территории и вокруг нее, особенно по осени, когда дачники уже начинали разъезжаться:

Люблю в осенний день несмелый
Листвы сквозящей слушать плач,
Вступая в мир осиротелый
Пустынных и закрытых дач [3, с. 97].

На даче лирический герой будто бы погружается в пространство малой Вселенной, где все создано для того, чтобы объединить человека и природу, хотя бы и ненадолго. Поскольку дачи ограждались невысокими заборами, у персонажа появлялась возможность наблюдать за тем, что непосредственно происходит в пространстве между домом и садом, садом и улицей, улицей и окрестными полями, лесами, рекой, пляжем:

Открыты окна. В белой мастерской
Следы отъезда: сор, клочки конверта.
В углу стоит прямой скелет мольберта.
Из окон тянет свежестью морской.

Дни все светлей, все тише, золотистой –
И ни полям, ни морю нет конца.
С корявой, старой груши у крыльца
Спадают розовые листья [4, с. 307].

Границы дачного пространства определены вполне конкретным забором или оградой: «И белая высокая ограда...» (И. А. Бунин «Одиночество»), территория организована сеткой дорожек, сходящихся перед крыльцом главного строения – белого кирпичного дома или деревянного мини-терема:

...Целый день
Печет дорожки солнце. Но за домом,
Где ледяная утренняя тень,
Мороз крупной лежит по водоемам.
На синеве и белый новый дом [Там же, с. 339]...

Как и усадьба, со всеми хозяйственными постройками и местами для отдыха, дача знакома герою до самых потаенных уголков территории, с одной только разницей – на дачном участке все атрибуты летней жизни занимают гораздо меньше места в пространстве. За атрибутами дачной жизни лирический герой наблюдает с улицы – из-за невысокого забора, со сцены дачного театра.

К рубежу XIX-XX вв. на северо-западе Российской империи существовала двухсотлетняя непрерывная история создания садов. Здесь не было войн, революций и прочих потрясений с тех пор, как Петр раздавал участки своим приближенным и вводил определенную «дачную повинность». Владелец участка получал его бесплатно, но он был обязан не только построить дом, но и создать сад. И если с постройкой дома в петровские времена сложностей не было – и архитекторов хватало, и рабочей силы было в достатке, то с садом сложности были, и немалые. Было не очень понятно, что и как сажать, что вообще может выжить в этих условиях, каким, собственно, должен быть сад. В указах Петра I отмечалось, что должен был быть сад увеселительный и сад плодовый, огород.

Садово-парковое искусство, пожалуй, наиболее тесно связано с поэзией, о чем свидетельствует частотность появления образов сада и парка.

Для лирического героя, по большей части активно отдыхающего или погруженного в состояние легкой дремоты на жаре, принципиально важно указать свое местоположение и расположение каких-либо атрибутов дачного быта (дом, сарай, погреб, качели, шезлонг, гамак). Природа в этом случае занимает особое место, именно от капризов погоды зависит распорядок дня на дачах и время, проведенное на свежем воздухе и под крышей дома. Чаще всего о природе напоминает ветер (горячий, южный, сопровождающий разгар дачного сезона, или холодный мистраль, предвещающий закрытие сезона в конце осени или зимой), шум моря, также напоминающий о сезонных изменениях на дачах:

К вечеру море шумней и мутней,
Парус и дальше и дымней,
Няньки по дачам разносят детей,
Ветер с Финляндии, зимний [Там же, с. 374].

Природа подчиняет себе человека на даче, там изнеженный интеллигент или современный буржуа ощущает свою зависимость от природного окружения, потому, наверное, в дачных образах преобладает изображение продуваемого всеми ветрами, пространства, открытого соседям и гостям, обосновавшимся поблизости и также погруженным в банальные бытовые заботы, связанные с комфортным обустройством и насыщенным отдыхом.

Лирический герой-дачник убедительно доказывает, что разношерстная публика, оставившая город на лето, оказавшись на территории поселка, на удивление быстро объединяется общими интересами, находит занятие себе на узких улицах, тропинках к пляжу или станции, у стационарных построек, расположенных вдоль воды (на мостках, в купальнях), живет беззаботно, наслаждаясь простыми летними радостями:

Вспоминаю летний полдень, небо светлое... В просторе
Света, воздуха и зноя, стройно, молодо, легко
Ты выходишь из кабинки. Под тобою, в сваях, море,
Под ногой горячий мостик [Там же, с. 432]...

Дачная поэзия – поэзия, воссоздающая образ дачи, рассматривается в контексте образующих особую лирическую ситуацию и характерных для нее мотивов (появление героя на даче после холодной и долгой зимы, расставание с осенним, гармоничным, полным тайн и загадок миром), образов (сад, благоухающий всеми завораживающими запахами весны, опустевший парк в ожидании теплых солнечных лучей) и атрибутов вещного мира («...шаткие ступени крылечка...», «образ с лампадой в углу...»), пробуждающие у героя воспоминания о тишине, слитности с природой. Предметный или вещный мир является, с одной стороны, формой художественного пространства (наряду с пейзажем, интерьером), с другой – в него вкладывается авторское ощущение, рождаемое ситуацией, фабулой, личностью героя.

Образ дачи в русской поэзии представлен изображением важнейших пространственных зон: дома, пейзажного парка, сада, окрестностей, расположенных за естественной или искусственной границей, и их составляющих.

Постоянно встречающиеся образы, темы и мотивы, выразительные детали-подробности и яркая метафоризация-символизация позволяют прийти к выводу о своеобразии образа дачи, единым приемам в воспроизведении одной из самых заметных реалий царской России.

Образ дачи впервые изучается как самостоятельный применительно к русской поэзии XIX – начала XX в. Определение места и особенностей функционирования образа дачи служит для нас важным показателем развития русской поэзии рубежного времени. Несмотря на наличие современных исследований дачного хронотопа, авторы которых связывают с развитием дефиниции только процессы, происходящие в отечественной прозе, мы рассматриваем степень его присутствия и в лирике обозначенного периода, в которой гораздо нагляднее выражено отношение к образу жизни дачников, расставлены приоритеты в оценке окружающей их творческой обстановки или растлевающих пошлости и мещанства.

Список литературы

1. **Акимов Т. И.** Дача и усадьба: две парадигмы жизни // Усадьба реальная – усадьба литературная. Мелихово: Зебра Е, 2008. С. 230-251.
2. **Архитектура русской усадьбы.** М.: Наука, 1998. 334 с.
3. **Брюсов В. Я.** Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1. 574 с.
4. **Бунин И. А.** Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1965-1967. Т. 1. 595 с.
5. **Жаплова Т. М.** Образ русской усадьбы в поэзии XIX – начала XX века. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. 427 с.
6. **Первушина Е. В.** Усадьбы и дачи петербургской интеллигенции XVIII – начала XX вв. Владельцы, обитатели, гости. СПб.: Паритет, 2012. 368 с.
7. **Чернявская Н. А.** Образная репрезентация концепта «осень» в поэтическом тексте // Филологические науки: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32). Ч. 2. С. 205-208.

SPECIFICS OF CREATION AND FUNCTIONING OF AN IMAGE OF A SUMMER COTTAGE IN THE POETRY OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

Zhaplova Tat'yana Mikhailovna, Doctor in Philology
Yakovleva Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology
 Orenburg State University
 tmzhaplova@mail.ru, tb-yakovleva@yandex.ru

The article examines the problem of functioning of an image of a summer cottage in the Russian poetry. In this connection the authors investigate the originality of a spatio-temporal characteristic of a summer cottage, analyze the specifics of country realities, symbols, motives. Relying on the analysis the authors conclude that the similarity of subject-thematic schemes, stable range of images and motives, symbolic and metaphorical complex are integrated by the poets of the XIX – beginning of the XX century into the special countryside mythologeme.

Key words and phrases: image of a summer cottage; country space; motives; symbolization; realities; themes.

УДК 80

Филологические науки

В статье рассматривается проблема скрытых смыслов. Изучается соотношение таких понятий, как имплицитность, подтекст, приращение смысла, пресуппозиция. Имплицитность и эзотерический смысл трактуются как разные формы непроявленного знания. Определяется критерий для выделения эзотерических пресуппозиций, проводится сопоставление понятий подтекст и эзотерическая информация. Получает обоснование выделение эзотерического смысла среди других видов скрытых смыслов.

Ключевые слова и фразы: скрытые смыслы; имплицитность; пресуппозиция; подтекст; эзотерический смысл.

Звездакова Ирина Викторовна, к. филол. н.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (филиал) в г. Чайковском
 irinazvezdakova@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ И ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ[©]

В настоящее время в лингвистической науке происходит заметное оживление интереса к проблеме скрытых смыслов. При этом к скрытым смыслам относят «всякий смысл, вербально не выраженный (*мы бы уточнили: не выраженный специальными языковыми средствами – И. З.*) в тексте сообщения, но воспринимающийся адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании языковой компетенции,